Гарри проснулся в понедельник, 4 июля, от шума веселья на улице. По всему городу уже собирались толпы людей для участия в парадах, экскурсиях и всеобщем веселье в духе независимости от Британии. Гарри был бы более склонен присоединиться к массе звездно-полосатого человечества, но он все еще немного приходил в себя после пылкой взбучки, устроенной ему Сириусом и Ремусом накануне вечером. Почему-то начало разговора с фразы "Прежде чем вы начнёте злиться, позвольте мне сначала отметить, что я всё ещё жив" не смогло унять их ярость, особенно когда ему пришлось перечислять все те моменты во время приключения, которые он должен был воспринять как сигнал к отступлению.

Ещё хуже стало после того, как Гарри рассказал общее содержание тринадцатой главы книги "О борьбе с тёмными силами на Земле и за её пределами", касающееся джерсийского дьявола и его охотничьих привычек. По словам Крейна, джерсийский дьявол предпочитает поедать свою жертву, вычёрпывая и съедая все внутренние органы ещё при жизни (видимо, потому, что породивший его ад почему-то решил, что всё остальное в этом демоне и так недостаточно ужасно); одно это откровение привело бы к тому, что Гарри отозвали в Лондон, если бы Сириус и Ремус были в состоянии присматривать за ним. Однако, поскольку они были заняты охотой на Петтигрю, они просто установили новое правило, касающееся любых поездок, в которые Гарри хотел бы отправиться, а именно: он должен был тщательно изучить все опасности, связанные с предполагаемым местом назначения, а затем убедить двух старших мужчин в том, что он сможет обеспечить свою безопасность. Это новое ограничение не обеспокоило Гарри, так как он уже решил быть более осторожным; ему было совершенно ясно, что он здесь совершенно один, и не всегда кто-то будет следить за его спиной - он будет стараться избегать темных мест в Америке, которые во многих случаях были более опасными и дикими, чем Британия. Тем не менее, было неприятно, что этот инцидент, похоже, подорвал доверие Сириуса и Ремуса к его суждениям.

Вернувшись мыслями к настоящему, Гарри, получив от Хедвиг несколько полезных похлопываний по затылку, встал с кровати и начал свой последний день в Филадельфии (после обеда следующего дня ему предстояло отправиться в Висконсин) с яичницы с беконом в буфете гостиницы, а затем переключил внимание на текст "Крейна". Его аппетит еще не совсем восстановился после событий выходного дня, к тому же он все еще лечил несколько порезов и синяков, полученных во время бешеной скачки по лесу. Следующие несколько часов он провел в своей комнате, читая и отрабатывая заклинания утилитарного типа (поскольку для отработки боевых заклинаний обстановка была явно неподходящей). Только после обеда он почувствовал желание выйти на улицу.

Примерно в 12:30 Гарри прошел небольшое расстояние до Чайнатауна и пообедал в небольшом ресторанчике. Когда он запивал свой "Ланч Спешиал № 13" банкой рутбира, его внимание привлёк явно магический (легко определяемый по тому, как глаза обычно скользили мимо него, если не по названию магазина) зоомагазин. Он расплатился за еду, дав щедрые чаевые, и перешел через дорогу к "" Филадельфийскому магазину магических животных и товаров для животных". Здание, построенное в стиле XIX века, не было уникальным для города, но в Чайнатауне оно выделялось даже на фоне других магазинов, обслуживающих магическое сообщество.

Звон колокольчика на двери возвестил Гарри о том, что он вошёл в магазин, и он быстро огляделся. Магазин был как минимум втрое больше, чем "Волшебный зверинец" на Диагон-аллее, где Гермиона купила Крукшенка. Ассортимент также казался более разнообразным, а

вывески, развешанные по всему магазину, сообщали, что по запросу можно заказать существ, которых обычно нет в наличии. В магазине было несколько чище, чем в его британском собрате, и несколько служащих суетились вокруг, кормя животных и разговаривая с покупателями.

Гарри прошел мимо совиного прохода (Хедвиг более чем достаточно для его почтовых нужд, к тому же она была довольно верным питомцем), а клетки с обезьянами и вовсе обошел стороной, так как их симулянтские морды довольно нервно напоминали ему статую Салазара Слизерина в Тайной комнате. К тому же ему не очень хотелось проводить все свое время, бегая по гриффиндорской башне и извиняясь за те отвратительные проделки, которые неизбежно совершит домашняя обезьянка. Он также обходил стороной клетки с кошками и крысами, поскольку за последний год полностью отвык от этих существ: от первой - из-за нервно-психического полуобморока Гермионы, а от второй - из-за вероломства Петтигрю.

Вскоре он наткнулся на ряд террариумов с земноводными и пресмыкающимися. Здесь были лягушки и жабы размером от дюйма до фута длиной. Некоторые из них, как утверждалось, обладали способностями, которые могли бы посрамить жабу Невилла Тревора, поскольку единственной магической силой жабы, похоже, была её удивительная способность убегать от Невилла. Как только взгляд Гарри остановился на змеях, он понял, что почти наверняка покинет магазин с одной из них, и стал перебирать в уме аргументы в пользу и против такого компаньона.

С одной стороны, в магической Британии змеи почти повсеместно считались недостойными доверия, а тех, кто умел с ними разговаривать, часто рисовали как потенциальных темных властелинов. С другой стороны, то, что Гарри является парселмутом, уже стало достоянием общественности, так что терять на этом фронте было практически нечего. К тому же, домашнее животное, с которым можно было бы общаться, было бы просто замечательно: как бы он ни любил Хедвиг, она не могла с ним разговаривать, а Гарри, в общем-то, был довольно одинок. Поэтому идея иметь друга, с которым не нужно будет делиться ни с кем, ему очень понравилась. Возможно, самым важным было то, что наличие змеи было бы заявлением; Гарри был Парселмутом, и ему было всё равно, что думают по этому поводу другие, потому что ему уже надоело доказывать снова и снова, что он не тёмный волшебник.

Гарри смотрел на них, пытаясь решить, что выбрать. Среди них было несколько кобр, чёрная мамба и удав, и все они шипели на него, чтобы он выбрал их, а не других. Однако одна змея в глубине большого террариума выделялась на фоне остальных. Темная гремучая змея с характерным рисунком - единственная змея, которая практически не умоляла выбрать ее и накормить жирными мышами, - подняла треугольную голову и пристально посмотрела Гарри в глаза.

"Ты не хочешь быть избранным, гремучая змея?" спросил Гарри на парселтанге, достаточно тихо, чтобы никто из посетителей и обслуживающего персонала не услышал. Все змеи тут же замолчали - это было почти неслыханно, чтобы человек мог говорить на их языке.

После долгого молчания змея ответила. "Я знаю, что могу предложить тебе, - шипела она. "Я могу скользить незаметно, охранять твои тайны и убивать твоих врагов. Ты не сделал мне никакого предложения".

Гарри снова посмотрел в глаза змее. "У тебя здесь есть постоянный запас пищи, но я могу позволить тебе охотиться. У тебя здесь есть теплый камень, но я могу предложить тебе солнце. У тебя есть стеклянные стены, но я могу предложить тебе свободу. Все, что мне нужно, - это твоя верность".

Наступило долгое молчание, прежде чем гремучая змея опустила голову в подобии покорного поклона и ответила. "Ты получишь ее, хозяин".

"У тебя есть имя, змея?" - спросил Гарри. спросил Гарри.

"Змеям не нужны имена, разве что людям", - ответила змея. "Если ты хочешь быть моим хозяином, ты должен дать мне имя".

"Пойдем со мной", - сказал Гарри. "И я дам тебе охоту, солнце, свободу и имя".

Гарри улыбнулся, поднял крышку террариума и позволил гремучей змее вскарабкаться к нему на плечи. Он вызвал множество недоверчивых взглядов со стороны других покупателей, и даже кассирша, принимавшая у него деньги, выглядела более чем обеспокоенной. Гарри это не волновало: выходя из магазина, он вспомнил о флаге, который он видел на площади Независимости перед отъездом в Сосновые болота в пятницу днем. Иронично, подумал он, что англичанин, оказавшийся в Филадельфии 4 июля, выбрал в качестве спутника первый символ независимости от Британии; несмотря на это, тот же символ точно описывал всю основную цель его поездки в Америку. На первый взгляд, конечно, он ехал сюда учиться быть анимагом, но это было лишь проявлением истинной причины поездки, которая заключалась в том, чтобы дать ему возможность хоть раз вырваться из-под ига Дамблдора и Дурслей, расправить крылья и вдохнуть свободный воздух.

С треском провалившись в темноту, он вернулся в свой номер. Он положил гремучую змею на кресло перед окном, где она тут же свернулась калачиком и зажужжала, явно наслаждаясь тем, как солнечные лучи греют ее чешую. Наконец, он прервал молчание, в котором пребывал, обдумывая столь тяжёлые мысли.

"Я решил", - прорычал Гарри. "Твое имя - Гадсден".

Гарри провел остаток дня, рассказывая Гадсдену о своей жизни в Британии и о планах на лето. К тому времени, когда Гадсден вошел в курс дела, настало время ужина; для Гарри это означало пиццу и колу, а Хедвиг и Гадсден получили по живой мышке. Гарри был рад, что Гадсден дал мышке немного побегать, прежде чем выследить и убить её; если бы ему пришлось слушать её шипящие возгласы восторга по поводу "хлюпающей сочной мышки", пока он ел, у него бы пропал аппетит.

После ужина Гарри вышел на улицу, следуя за потоком людей, направлявшихся к хорошим смотровым площадкам, чтобы увидеть фейерверк. Прибыв на место, он аппарировал на крышу соседнего здания, чтобы иметь лучший обзор, как раз к началу первого залпа. Вспышки цвета и взрывы звука (под исполнение нескольких популярных и известных американских песен,

включая национальный гимн) позволили Гарри провести большую часть вечера, наслаждаясь сиянием фейерверка. Около 22:00, когда Гарри был уже под впечатлением от шоу, но слишком устал, чтобы оставаться на улице, он вернулся в свою комнату, почистил зубы и забрался в постель, заснув почти сразу же, как только его голова коснулась подушки.

http://tl.rulate.ru/book/96404/3297466